

А.Д. Терлецкий

Князь Мышкин

Мышкин Лев Николаевич — главный герой романа Ф.М. Достоевского «Идиот», последний из князей Мышкиных. Отец его «был, впрочем, армии подпоручик, из юнкеров». Мышкин — дальний родственник генеральши Лизаветы Прокофьевны Епанчиной.

Мышкин — молодой человек двадцати шести лет, «роста немного повыше среднего, очень белокур, густоволос, со впалыми щеками и с ...востренькою, почти совершенно белую бородкой». Лицо имел «приятное, тонкое и сухое, но бесцветное». Во взгляде его больших, голубых и пристальных глаз «было что-то тихое, но тяжелое», что позволяло с первого взгляда угадывать в нем падучую болезнь. До двадцатичетырехлетнего возраста Мышкин, по его собственному признанию, был болен, после смерти родителей остался «малым ребенком»; «рос по деревням», так как его здоровье «требовало сельского воздуха». Около пяти лет назад он был отправлен старым другом покойного отца Николаем Андреевичем Павлищевым в Швейцарию к профессору Шнейдеру лечиться. Там в течение четырех лет Мышкин обучался наукам по особой «системе». Правда, по болезни систематического образования не получил, зато успел прочесть «очень много русских книг». Последние два года, с того времени как помер Павлищев, Шнейдер содержал Мышкина на свой счет, «долечивал», и хотя «не вылечил, но очень много помог». В первый год лечения в Швейцарии, когда «он еще был совсем как идиот», Мышкина мучила «никак не воплощавшаяся» мысль, что на «великом празднике» жизни он «всему чужой и выкидыш». Особенно тяжело почему-то было Мышкину со взрослыми, он не любил и не умел общаться с ними. Во все время своего пребывания в швейцарской деревне он предпочитал сходитья и быть с одними детьми, потому что «через детей душа лечится». Школьному учителю Тибо Мышкин говорил: «...Мы оба их ничему не научим, а они еще нас научат». Он был уверен, что «от детей ничего не надо утаивать под предлогом, что они маленькие», и всегда следовал своему убеждению, вопреки Шнейдеру, считавшему «систему» его вредной. Заботливое и чуткое отношение Мышкина к больной и несчастной деревенской девушке Мари, соблазненной и брошенной проезжим французским комми и «всенародно» опозоренной матерью и местным пастором, привлекло к нему сердца детей. По его примеру они стали жалеть Мари и помогать ей, проявляя при этом удивительную нежность и деликатность. Перед отъездом Мышкина на родину Шнейдер сказал ему, что «развитием, душой, характером и, может быть, даже умом» он — «сам совершенный ребенок... только ростом и лицом похож на взрослого».

Возвращаясь в Россию, Мышкин думает о том, что для него наступает новая жизнь: «Теперь я к людям иду...» По опыту зная, что с людьми ему будет, «может быть, скучно и тяжело», он полагает «быть со всеми вежливым и откровенным», «исполнить свое дело честно и твердо». Уже при первых встречах Мышкин привлекает русских людей своей искренностью и простодушием, а со временем завоевывает репутацию честного и правдивого человека. Генерал Епанчин отзывается о нем как о «совершенном ребенке», «очень мило» воспитанном и с прекрасными манерами. Лизавета Прокофьевна, генеральша, заключает, что Мышкин — «добрейший молодой человек» — «простоват, да себе на уме, в самом благородном отношении, разумеется». Евгений Павлович Радомский находит, что князь — «человек бесподобнейший, то есть не лгущий на каждом шагу». Аглая считает Мышкина «за самого честного и за самого правдивого человека»; если, говорит она, он и болен «умом», то «главный ум» у него лучше, чем у всех, — такой, какой другим и не снился. Ипполит предполагает, что Мышкин «или медик, или в самом деле

необыкновенного ума и может очень многое угадывать». Намереваясь пустить себе пулю в висок, он обращается к князю: «Я с Человеком прошусь». Коля Иволгин замечает, что никого умнее князя «на свете до сих пор не встречал». Лебедев вторит ему: «И умнее на свете нет!»; говорит о «счастливом уме» Мышкина, но втайне замышляет взять его «под казенную опеку». Однако старичок-доктор, приглашенный Лебедевым для освидетельствования князя, после двухчасовой дружеской беседы выносит заключение: «...Если всех таких брать в опеку, то кого же бы приходилось делать опекунами?» Многие отмечают редкую проницательность Мышкина. Ипполита, по выражению Лебедева, он «насквозь прочитал»; Келлер говорит, что, при всей своей невинности и простодушии, князь «пронзает» человека, «как стрела... глубочайшею психологией наблюдения».

На вечере у Настасьи Филипповны становится известно, что Мышкин «безо всяких хлопот, по неоспоримому духовному завещанию» своей тетки, получает «чрезвычайно большой капитал». И хотя наследства оказалось всего «только восьмая или десятая часть того», что предполагалось, Мышкин тем не менее удовлетворил всех кредиторов, несмотря на то, что многие из них были «совершенно без прав». Он считает своей обязанностью выдать десять тысяч «в память Павлищева» Антипу Бурдовскому, так как он «человек простой, беззащитный... легко поддающийся мошенникам».

Предчувствуя мошенничество или злой умысел, Мышкин укоряет себя за «чудовищную и злобную мнительность» (которая всегда, как оказывается впоследствии, бывает небезосновательной), считает самого себя «последним из последних в нравственном отношении». Излишняя самокритичность не мешает ему, когда это необходимо, действовать весьма решительно. Так, он останавливает на лету руку Гани, собиравшегося ударить сестру Варю; успевает схватить за руки поручика Молодцова, бросившегося на Настасью Филипповну за то, что она его, «своего обидчика», хлестнула по лицу тросточкой. Пощечину от Гани, нанесенную им «в последней степени бешенства», Мышкин сносит «не от недостатка смелости» — он знает, что тот сам будет «стыдиться своего поступка». И действительно, очень скоро Ганя попросил у князя прощения — и они искренне помирились.

В «обществе» Мышкин считает себя «лишним», так как у него «нет жеста приличного, чувства меры нет». Он всегда боится своим «смешным видом скомпрометировать мысль и главную идею». Когда в первый раз в жизни его ввели в «свет», он был поначалу так «очарован», что лишился свойственной ему проницательности. Ему и в голову не приходило, что «все это простосердечие и благородство, остроумие и высокое собственное достоинство есть, может быть, только великолепная художественная выделка». Князь принял общество «за самую чистую монету, за чистейшее золото, без лигатуры». Сам он до того увлекся разговором, что, как и предсказывала Аглая, неосторожно жестикулируя, разбил дорогую китайскую вазу.

Одним из самых первых убеждений князя, которые он вынес из России, была уверенность в том, что «сущность религиозного чувства ни под какие рассуждения... и ни под какие атеизмы не подходит». Встречаясь с неверующими и читая их книги, Мышкин всегда поражался тому, что «говорят они и в книгах пишут совсем будто не про то, хотя с виду и кажется, что про то». Но, следуя «уроку» — «не судить, не имея опыта», он не торопится осуждать солдата-«хриstopродавца», предложившего ему свой крест за двугривенный и отправившегося пропивать полученные деньги: «Бог ведь знает, что в этих пьяных и слабых сердцах заключается». В словах молодой бабы (может быть, жены того солдата), которая приравнила «материну радость» от первой улыбки своего младенца к радости Бога, когда Он «всякий раз... с неба завидит, что грешник пред ним от всего сердца на молитву становится», — в этих словах, полагает Мышкин, «вся сущность христианства разом выразилась» — «главнейшая мысль Христова». Ему «очень вдруг на родине понравилось», он почувствовал, что здесь «не чужой, не иностранец». Мышкин начинает «страстно верить» в русскую душу.

Когда Евгений Павлович Радомский высказывает мысль, что «русский либерал не есть русский либерал, а есть не русский либерал», Мышкин соглашается с ним, что «русский либерализм... действительно, отчасти наклонен ненавидеть самую Россию, а не одни только порядки ее вещей». К несчастью, говорит князь, «искажение идей и понятий» в настоящее время «встречается очень часто». Преступники теперь уже не считают себя преступниками, а заявляют нередко о своем «праве» на преступление. Не кажется Мышкину частным случаем и речь адвоката, в которой доказывается, «что при бедном состоянии преступника ему естественно должно было прийти в голову убить... шесть человек».

До крайности огорчает и поражает Мышкина известие о том, что Павлищев, «светлый ум и христианин», перешел в католицизм. Католичество, по глубокому убеждению князя, «все равно что вера нехристианская!», «даже хуже самого атеизма», потому что «атеизм только проповедует нуль», а католицизм «искаженного Христа» — «антихриста проповедует», так как «Папа захватил... земной престол и взял меч». Социализм и «брат его атеизм» вышли в отчаянии из католицизма, но «это тоже свобода чрез насилие... объединение чрез меч и кровь». Необходимо, утверждает Мышкин, чтобы скорей «воссиял в отпор Западу наш Христос, которого мы сохранили», а для этого надо открыть «русскому человеку русский Свет», и тогда «исполин могучий и правдивый, мудрый и кроткий вырастет пред изумленным миром». С горячей убежденностью князь говорит Рогожину: «Есть что делать на нашем русском свете, верь мне!» Сострадание, по мнению Мышкина, «есть главнейший и, может быть, единственный закон бытия всего человечества». Он надеется, что «сострадание осмыслит и научит самого Рогожина».

Красота для Мышкина — «загадка». Он «еще не приготовился» судить красоту Аглаи. Мышкин ценит именно такую красоту, как у Настасьи Филипповны, потому что в ее лице «страдания много...». По словам Радомского, князь утверждал, что «мир спасет красота». Когда Мышкин впервые увидел портрет Настасьи Филипповны, точно «знакомое лицо узнал», он почувствовал, что она «как будто уже» знала его. Предлагая Настасье Филипповне выйти за него замуж, Мышкин говорит, что берет ее «честную... а не рогожинскую», что любит ее и готов за нее умереть. Князь обещает никогда не попрекать ее тем, что она «не по своей воле у Тоцкого» была, и никому не позволит про нее «слова сказать». Позднее Мышкин будет толковать Рогожину, что Настасью Филипповну он «не любовью» любит, а «жалостью». Но, по мнению Рогожина, «жалость» Мышкина к ней «пуще» его рогожинской «любви». Чувствуя, что в воздухе... беда летает», князь ради нее приезжает во второй раз в Петербург, сам толком не зная зачем, «впечатление сострадания и даже страдания» за нее не оставляет никогда его сердца.

Возможность любви Аглаи к такому человеку, как он, Мышкин считает «делом чудовищным». Ему мерещится «просто шалость с ее стороны». На вопрос Настасьи Филипповны: «Ты счастлив?» — он трижды «с беспредельной скорбью» восклицает «нет!». На прямой, при всем семействе Епанчиных, вопрос Аглаи: «...Просите вы моей руки или нет?» — Мышкин с замиранием сердца отвечает: «Прошу». Завершается это объяснение «сумасшедшим, почти истерическим хохотом» Аглаи и ее извинением перед ним за «нелепость, которая не может иметь ни малейших последствий». Генералу Епанчину Мышкин признается, что «очень» любит его дочь. После примирения с Аглаей «верх блаженства» составляет для него «одно то, что он опять будет беспрепятственно приходиться» к ней. Но «блаженствовать» князю недолго. Встреча Аглаи с Настасьей Филипповной, как и предчувствовал Мышкин, заканчивается драматически. Аглая, не выдержав «мгновения его колебания», уходит от него навсегда. Две недели, проведенные Мышкиным с Настасьей Филипповной перед их несостоявшейся свадьбой, показали, «по всем признакам», что он любил ее искренне. Мышкин говорит Радомскому, что «теперь она дитя, совсем дитя!», и он любит ее «всей душой!» Он не находит слов, чтобы объяснить «умному» Евгению Павловичу, как можно было любить обеих женщин, обвиняет во всем себя одного, но верит, что Аглая Ивановна его поймет.

Рогожину Мышкин «всегда говорил», что за ним Настасье Филипповне «непременная гибель». Его надежда на то, что «сострадание осмыслит и научит самого Рогожина», не сбылась. Свадьба Мышкина с Настасьей Филипповной заканчивается трагически. На следующий день после побега ее с Рогожиным «совершенное отчаяние овладело душой князя». Смерть Настасьи Филипповны подействовала на него самым печальным образом: «он уже ничего не понимал, о чем его спрашивали, и не узнавал вошедших и окруживших его людей». Вследствие «стараний и попечений» Евгения Павловича Радомского «князь попадает опять за границу в швейцарское заведение профессора Шнейдера».